

В. А. Зверев

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ: ПРОЖИТЫЙ ВЕК В ВОСПОМИНАНИЯХ НОВОСИБИРСКИХ УЧИТЕЛЕЙ

Опубликовано: Зверев, В. А. Человеческие документы : прожитый век в воспоминаниях новосибирских учителей / В. А. Зверев // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 1. – С. 311–322.

Публикуются новые историко-педагогические источники – три текста воспоминаний сибирских учителей об их жизненном пути и профессиональной судьбе. Оригиналы текстов (в одном случае – копия), созданных в конце 1990-х – 2000-х гг., хранятся в коллекции кафедры отечественной истории НГПУ. Описываемые лично- и общественно-значимые события и педагогические процессы происходили в 1930–1990-х гг. в школах Новосибирска и Новосибирской области (Кочковский и Маслянинский районы).

Ключевые слова: историко-педагогические источники, педагогическая мемуаристика, воспоминания учителей, учительство Сибири, сельская школа.

V. A. Zverev

HUMAN DOCUMENTS: THE PAST CENTURY IN MEMOIRS OF NOVOSIBIRSK TEACHERS

New sources of pedagogical history are published in the paper – three memoirs of Siberian teachers about their lives and professional carriers. The originals of these texts (in one case – a copy) created in the late nineties – are preserved in the collection of the Novosibirsk Pedagogical University at the Chair of Domestic History. The events described – both personal and socially significant ones – took place in 1930–1990ies at schools of Novosibirsk and the Novosibirsk Region (Kochkovsky and Maslyaninsky areas).

Keywords: pedagogical sources, memoirs of teachers, teaching in Siberia, village school.

«Безучительская» педагогика, на мой взгляд, – такое же научное бедствие, как педагогика «бездетная». Хотелось бы, чтобы коллеги-ученые повернулись лицом к субъекту педагогического творчества, активнее занялись изучением роли «человеческого фактора» (конкретных учителей,

школьных администраторов, социальных педагогов, школьных библиотекарей, наконец) в образовании и воспитании. По крайней мере, обязательно принимали бы во внимание эту роль. Может быть, это помогло бы и обществу, и государству повернуться лицом к учителю, понять необходимость достойной оценки труда педагогов.

Важным источником для изучения «учительского измерения» педагогики являются воспоминания и дневники людей, посвятивших свою жизнь детям. Субъективность мемуаров – на самом деле не недостаток, а достоинство данного вида историко-педагогических источников: это поистине «человеческие документы», доносящие до нас не только дела и поступки, но также ценности и идеалы, мысли и чувства людей, владеющих действительно «святым» ремеслом. В распоряжении ученых имеется комплекс мемуаров и дневников сибирских педагогов XIX в. [2]. Двадцатый век тоже дал Сибири интересную педагогическую мемуаристику, немалая толика которой напечатана, в том числе и с нашим участием [3–6 и др.]. Но много достойных текстов еще не опубликовано, и эту ситуацию нужно исправлять.

На кафедре отечественной истории Института истории, гуманитарного и социального образования (ИИГСО) НГПУ за последнюю четверть века собрана коллекция историко-биографических материалов, в основном, мемуарного характера [1]. Она включает в себя и некоторое количество воспоминаний сибирских педагогов. Часть из них написана собственноручно (по инициативе автора или по просьбе моих помощников-студентов), а иные представляют собой устные мемуары, зафиксированные и переложенные в письменную форму такими же студентами-гуманитариями. Предлагаю читателям «Сибирского педагогического журнала» небольшую подборку воспоминаний наших земляков – школьных учителей – из указанной коллекции.

Первый помещенный здесь текст – записанные в 1999 г. студенткой Т. Г. Докукиной устные воспоминания ее тети З. Ф. Брылёвой (1914 г. рождения), жительницы Новосибирска, об опыте ее работы в сельской школе 1930-х гг.

Второй текст – авторский, он создан в том же 1999 г. ветераном педагогического труда, учительницей новосибирской школы № 172 Е. Г. Ривво (1927 г. рождения). Воспоминания написаны по просьбе студентки К. Бобковой, бывшей ученицы мемуаристки. Третьи публикуемые здесь воспоминания написал в 2006 г. педагог-пенсионер М. П. Михалёв (1939 г. рождения). Оригинал текста хранится в Маслянинском районном историко-краеведческом музее. Мы располагаем его копией, любезно предоставленной нам Т. Ф. Ушаковой, заведующей сектором музея, инициировавшей написание этих мемуаров.

Благодарю студентов ИИГСО НГПУ А. С. Недостоеву, А. Н. Ионину, О. В. Анисимова за участие в подготовке текстов к печати.

**Брылёва Зинаида Федоровна: «Что-то мы делали не так...»
(Кочковский район, с. Решёты).**

Мои родители Брылёв Федор Иванович и Брылёва Прасковья Яковлевна до Первой мировой войны жили в Белоруссии. Жили зажиточно, имели свой хутор. Всё бросили и бежали в Сибирь от немцев. Думали, что вернутся, но жизнь сложилась так, что остались жить в Сибири. Здесь родили трех сыновей и двух дочерей, построили дом на берегу Оби. Родители были люди неграмотные, и главной их мечтой стало дать нам образование. Они были людьми верующими и очень трудолюбивыми. Отец шил обувь по заказам, а мать стирала белье зажиточным горожанам.

Когда мы стали учиться, родители очень интересовались нашими успехами и проблемами. Из своих трудов и потом заработанных денег они всегда выдавали нам деньги на приобретение книг, тетрадей, ученических принадлежностей. Родители с удовольствием слушали, как мы читаем или учим стихи. Тихими зимними вечерами кто-нибудь из детей вслух читал книгу, а все слушали. В печи потрескивали дрова, горели свечи у иконы; мама вязала или что-нибудь шила, отец занимался своей бесконечной работой. Вспоминая сейчас эти вечера, я понимаю, что они были нашими

счастливыми моментами жизни. Хоть тогда жили трудно, не очень сытно, беспокойно было в обществе, с болью и кровью ломалась старая жизнь и создавалась новая. Но впереди нас ожидали еще более страшные испытания.

Старший брат Дмитрий в 1938 году получит 10 лет лагерей и никогда больше не вернется. Уйдут на войну и погибнут, защищая Родину, еще двое братьев. Мы с сестрой были свидетелями того, как горе постепенно убивало наших добрых, славных родителей. И все-таки до последних дней они сохранили в душах непоколебимую веру в человеческое добро и справедливость.

А горе, случившееся с нашим братом Дмитрием, откликнулось и в наших судьбах. Мою сестру Валентину (она тоже была учительницей) уволили в 1939 году как сестру врага народа, а младшие братья не смогли поступить в институт, окончили только училище. Я, уехав в 1932 году, бывала дома только летом во время каникул и не могла представить себе, что так мало нам отпущено судьбой быть вместе, что вскоре после войны умрет отец, а мама проживет без него только два года, и останемся мы с сестрой вдвоем.

Но вернемся в далекий 1932 год. Я, окончив в Новосибирске годичные учительские курсы, уезжаю учительствовать в село Решёты. В городе в это время жизнь становится все интереснее. Мы были молоды, как наш город. Это был действительно наш город. Мы принимали участие в его строительстве, с нашей помощью он становился все краше. Каким праздником для нас было открытие ТЮЗа и «Красного факела»! В городе было бурное строительство, создавались новые организации. Сейчас смешно, например, звучит такое название – ГОМЭЦ. А расшифровывается это так: Государственное объединение музыки, эстрады и цирка.

Но в это же время раскрывались очередные «заговоры», исчезали из нашей жизни близкие и любимые люди – врачи, учителя. Мы были молоды и ничего не понимали в происходящем. И по приезду в деревню я застала ту же картину. Село большое, около 300 домов, и почти в каждом доме горе. Не было семьи, которой не коснулось бы раскулачивание. Жизнь в деревне

менялась в корне, и изменения эти шли тяжело, с болью. Мало того, что людей отлучили от многих близких, их отлучили от религии, от привычного образа жизни. Церкви закрыты, иконы попряты, создан колхоз.

Школа построена новая, светлая, бревенчатая. Детей в классах много, по 30 человек, учителей 28 человек. Есть пионерская организация, позже, в 1939 году, образовалась и комсомольская организация. Школа политизирована: везде портреты Сталина, Ленина, сборы, линейки, политзанятия. Таков был ритм времени. Я и сейчас, так много осознав, считаю, что в том времени было много хорошего. Мы были искренне преданы своей партии, своему делу, самое главное – верили в светлое будущее, и с этой верой было легче жить. Хотя и тогда было ясно, что мы делаем что-то не так.

Расскажу такой случай. У меня в классе учился мальчик Саша Черняк – хороший умный мальчик. В семье случилось горе, арестовали отца и ночью увезли в районный центр. Утром старшая пионервожатая уже клеймила позором его отца, и дети сидели, опустив глаза. Что же происходило в их душах? Ведь это деревня, их воспитывали на уважении к старшим, дети уважали не только своих родителей, но всех взрослых односельчан. Почти во всех семьях дети обращались к родителям на «Вы», почтительно. Но сознание деревенских людей уже менялось. Понимая несправедливость, которую они переживали, крестьяне боялись за своих детей и давали им наставления жить так, как им диктует время.

Был и такой случай: в 1937 году у моей ученицы сразу забрали и отца, и мать. В доме зимой остались трое детей да бабушка, которая не могла ходить. Я знаю, что мне нужно туда идти, что я должна помочь детям, но я также знаю, что это вызовет неодобрение руководства школы. И все-таки уже почти ночью, огородами, я пробиралась к их дому, приготовила им еду, попыталась их успокоить. А через час пришла соседка с едой, так мы целую неделю с ней шефствовали над этой семьей. Затем детей увезли в детдом, а бабушку забрали родственники. Окна в доме забили досками, и он стоял

посреди улицы как страшное напоминание о человеческой безысходности, когда ничего нельзя исправить, изменить...

Наш учительский коллектив тоже не обошла беда. В 1938 году пришла какая-то очередная директива партии и правительства (я даже не помню, о чем она была), а наш завуч – чудесный был человек, прочитав, сказал: «Кто же придумал такую чушь?» Ночью его увезли в районный центр, и больше мы его не видели.

Но мы были молоды, полны сил и веры в лучшее будущее, и, спрятав глубоко свой страх и непонимание всего происходящего, учили и воспитывали детей, ставили в колхозном клубе концерты, создали свой народный театр.

Люди в селе были прекрасные. К учителям все относились уважительно. Я приехала двадцатилетней девчонкой, и каково было мое удивление, когда люди, здороваясь со мной, кланялись, разговаривали с почтением. Приняв класс, я отправилась знакомиться по домам со своими учениками и их родителями. Во многих семьях родители умели читать и писать. На самодельных этажерках стояли книжки дешевого лубочного издания. Среди них были Пушкин, Некрасов, Гоголь. В этих семьях родители были рады, что их дети учатся.

Были, конечно, и противоположные семьи, где не очень-то приветствовали обучение детей. Так, у меня в классе училась девочка Настя, которую мать не отпускала в школу иногда по целому месяцу, объясняя это тем, что она должна помогать по дому. Семья была большая, девять детей. Девочка отставала, ей потом было очень трудно догонять. Учились у меня два брата Морозовы, которых отец забирал из школы на все время уборки урожая. Были на селе и семьи алкоголиков, детям из таких семей было тоже очень трудно учиться. Но школа старалась помогать им. Мы занимались с ними дополнительно.

Перед самой войной возникли уже зачатки движения, которое потом называлось «Дети села». Школьники серьезно и организованно начали

помогать на сельскохозяйственных работах в колхозе. В 1940 году в селе построили школу из кирпича, а в старой поместили библиотеку. Открытие новой школы на селе было настоящим праздником. К этому времени колхозники как-то уже серьезно сжились с колхозной системой. Колхоз стал работать с прибылью. Во многих семьях появился достаток.

Казалось, что жизнь налаживается, но началась война. Она разрушила все планы людей, мало того, она уничтожила все, что было достигнуто, и отбросила нас опять далеко назад. В декабре 1941 года школа закрылась, и я уехала домой в Новосибирск. А в феврале я уже по путевке райкома партии работала на военном заводе, который потом назывался Завод радиодеталей. Мы начинали снаряды и отправляли их на фронт. Так сложилось, что в Решётах я уже никогда не была, но в памяти осталось все, как на киноплёнке, – и хорошее, и страшное. И чем больше я живу на этом свете, тем больше память возвращает меня к тому времени. Наверное, потому, что это было время нашей юности.

Ривво Евгения Генриховна: «Коллеги и ученики поддерживали меня» (Новосибирск).

Мои дедушка Григорий Абрамович Розендфельд и бабушка Сара Матвеевна жили в Молдавии. После ужасных погромов в 20-х годах они бежали с пятью детьми в Каинск (ныне Куйбышев), где им выделили под жильё старый сарай с соломенной крышей. Там в нищете и голоде они прожили три года, но волна погромов докатилась и до Сибири. В 1921 году их сарай со всем имуществом был подожжен. Бабушка с детьми успела выбежать, а дед, пытаясь спасти небольшое имущество, сгорел заживо. Не зная, куда пойти, бабушка с детьми скиталась по улицам, пока один добрый человек не пустил их к себе жить.

Чтобы заработать на жизнь, бабушке приходилось обстирывать солдат, а сына Бориса отдали в подмастерье к сапожнику. Моя мама с сестрами помогали по хозяйству... В том же году моя мать Полина Григорьевна

познакомилась с моим отцом Генрихом Исаевичем. Они полюбили друг друга и решили пожениться, но мать не хотела отдавать свою дочь за бедного человека. Тогда отец похитил мою мать и увез ее в Новосибирск. Моей маме было всего 17, а отцу – 19 лет.

Молодая пара поселилась на Коммунистической улице у одного зажиточного татарина, который сдавал им комнату в подвале. Папа устроился на работу ломовым извозчиком, работал целыми днями, а иногда и ночами, чтобы содержать семью. Мать тоже, как могла, вносила вклад в семейный бюджет, она обстирывала все большое семейство хозяина.

В 1935 году, когда мне исполнилось 8 лет, я пошла в школу, но так как уже умела читать и писать, меня зачислили сразу во второй класс.

Самым страшным воспоминанием детства стал арест моего отца. История эта такова. Брат отца Семен Исаевич приехал в Сибирь в 1925 году, устроившись на обкомовские дачи. Он занимал там высокую должность. Когда начались репрессии и арестовали его начальника, стало понятно, что скоро арестуют и его. Он уволился и скрылся. Поскольку в те годы правовой беспредел был нормой жизни, вместо Семена арестовали моего отца Генриха Ривво. Мы очень тяжело переживали арест отца. Мама долго ходила по инстанциям, пока его выпустили из тюрьмы.

В 1941 году началась война, папу забрали на фронт. В этом же году я вступила в комсомол. Днем училась в школе, а после занятий нас всем классом увозили в цеха по пошиву зимней обуви, там мы работали во вторую смену. Нам выдавали хлебные карточки, что очень помогало семье.

Школу я закончила успешно, всего с одной четверкой. В этом же году поступила в театральное училище. Мне очень нравилось там учиться, но когда на третьем курсе начались занятия по гриму, выяснилось, что мне нельзя пользоваться гримом из-за аллергии. Я ушла из училища и поступила в пединститут на историко-филологический факультет, где проучилась до 1946 года и закончила его практически на отлично.

Несмотря на то, что Сибирь находилась далеко от военных действий, мне никогда не забыть слезы моих друзей и знакомых, у которых погибли близкие люди. Мы все с нетерпением ждали окончания войны, и когда же вернется наш отец. И вот этот день настал, мама устроила настоящий праздник.

В конце своей учебы в институте я познакомилась с прекрасным человеком, которого звали Игорь Григорьевич. Мы полюбили друг друга и 3 августа 1946 года поженились. К тому времени я устроилась на работу в школу № 42 учителем. Сначала мы жили с родителями Игоря, а потом купили старую хибару. 25 марта 1947 года у нас родился сын Володя. Начались бытовые трудности: не хватало денег, поэтому мне пришлось перейти на работу в вечернюю школу. В 1954 году перешла в школу № 79. Именно там я испытала унижение, страх и нападки со стороны своих коллег. С первых дней моей работы у меня сложились хорошие отношения с учениками, а вот с коллегами, к сожалению, не заладились. Спустя некоторое время начался конфликт, который привел к очень неприятным последствиям.

Я была классным руководителем 8 В класса, который пользовался не очень хорошей репутацией среди учителей, но я смогла найти подход к своим детям. С первых дней работы организовала родительский университет, который собирался раз в месяц, на нем мы решали все наши наболевшие проблемы. Родители рассказывали, как они ведут воспитательную работу со своими детьми, а я, в свою очередь, – о новых разработках в педагогике. Мы все вместе ходили в театры и кино, устраивали классные вечера. Плюс ко всему, у нас был драматический кружок, мы ставили различные произведения классиков.

И всё, кажется, шло хорошо, но в личной жизни начались неприятности, и в итоге мне пришлось расстаться с мужем. Так как я осталась одна с сыном, пришлось решать все хозяйственные вопросы самой. И первое, что нужно было сделать – купить на зиму уголь. Я сделала заявку на привоз угля, а сама поехала к подруге занять денег, чтобы рассчитаться за него. Уголь привезли

в мое отсутствие. Мой семилетний сын маленьким ведром начал носить уголь в углярку. И как раз в это время пришли мои ученики: Саша, Коля, Марина и Катя. Так как меня не было дома, ребята решили помочь моему сыну перенести уголь.

Я вернулась домой поздно вечером. Мои ученики уже заканчивали работу. Я поблагодарила ребят, предложила им умыться и пошла проводить их домой. По дороге мы встретили их родителей, которые пошли искать своих детей. Я объяснила им всю ситуацию, извинилась перед ними, и мы благополучно расстались. Но мама Коли Тищенко наутро пожаловалась завучу, что я якобы использую детский труд. В этот же день было объявлено, что после уроков состоится персональное разбирательство. Мои объяснения никто не хотел слушать. Дело передали в районный отдел народного образования, а затем в горono. Горono издал приказ о моем увольнении по статье 33, пункт «в» (недоверие в работе).

Придя домой, я почувствовала большую опустошенность. То, ради чего жила, отвергло меня, оборвалась ниточка, за которую я держалась. И тогда я решила уйти из жизни. Меня спасло появление сына, который вбежал в комнату, увидел меня стоящей на табуретке и закричал: «Мама, а как же я?» Этот крик привел меня в чувство и отвел от страшной роковой черты. Я решила бороться, потому что рядом есть люди, которые любят меня и которым я нужна.

По совету близких я обратилась в суд. Моим защитником была чудесная женщина Елена Константиновна Морфини, которая построила великолепную защиту. Родители моего класса написали обращение, в котором отразили действительные события того дня. В итоге суд вынес решение в мою пользу. Я вышла на работу и продолжала учить детей, потому что знала, что в какой-то степени в ответе за них, ради них должна доказать, что в мире существует справедливость. Через некоторое время в школе сменился директор, и нормальная работа вошла в свое русло.

В 1955 году я вновь поступаю в пединститут, на заочное отделение филологического факультета – сразу на 3-й курс. И в этом же году поступила в университет при партийной школе на факультет журналистики.

В школе № 79 я трудилась 12 лет. В 1966 году устроилась на работу в колонию № 1 г. Новосибирска для малолетних преступников учителем русского языка и литературы. В то время я жила на ул. Мичурина, и было очень неудобно добираться до работы. Но мне нравилась моя работа, хотелось хоть чем-то помочь этим мальчишкам, которые были похожи на волчат, и виноваты были не только родители, но и общество, которое не справилось с задачей воспитания этих подростков.

В моей работе в колонии не все складывалось гладко, были победы и неудачи, не всегда удавалось сразу найти подход к тому или иному ребенку. Свою роль играл и переходный возраст, и то, что они привыкли никому не доверять, находиться больше в одиночестве, чем в обществе. Именно там я особенно остро почувствовала, что несу ответственность за дальнейшие судьбы этих мальчиков. Я старалась сделать из них настоящих добропорядочных людей, и мне кажется, что хоть немного, но получалось. В связи с реорганизацией колонии в 1968 году я попала под сокращение сотрудников. Еще долгое время я получала письма от своих подопечных, что было крайне приятно.

Далее в моей жизни произошли два важных события. Я вышла замуж за Иванова Константина Александровича, а познакомились мы с ним в Театре оперы и балета, куда я пришла с классом смотреть «Лебединое озеро». После болезни я не могла иметь детей, поэтому мы решили взять ребенка из детского дома. Придя туда, мы увидели маленькое чудо с голубыми глазенками, которое протянуло к нам ручки, и остановили свой выбор на этой прекрасной девочке, которой было два с половиной года. Очень долго ходили по разным инстанциям, чтобы добиться удочерения. Леночка отставала в развитии от своих сверстников, нам пришлось обращаться к разным специалистам, и скоро все стало меняться в лучшую сторону. Завод

предоставил мужу трехкомнатную квартиру на Ботаническом жилмассиве, а я перешла в училище № 41 учителем этики и обществознания.

Так как я преподавала обществознание, партийное руководство училища настаивало на том, чтобы я вступила в партию. Я решила попытаться это сделать, но ничего не вышло, ведь при советской власти отношение к еврейскому народу было негативным... Но директор училища, зная, что я даю глубокие знания по своему предмету, отстаивал мое право на преподавание.

В 1970 году я окончила курсы эстетического воспитания в Горьком, куда мне дали направление от училища, а в 1971 году поступила на факультет идеологического воспитания при партийной школе. Так как подошло время Леночке идти в школу, а поддержка ей была просто необходима, я вынуждена была уйти из училища и пойти работать в близлежащую школу № 172, куда пошла учиться моя дочь. Директор школы Иванов Евгений Прокопьевич предложил работу учителя русского языка и литературы.

Так как наша школа была единственной на жилмассиве, приходилось работать в три смены, но это была такая интересная и увлекательная работа, что мы просто забывали об усталости. Тогда трудилось много молодых педагогов, а Евгений Прокопьевич был настолько талантливым администратором, что благодаря ему сложился прекрасный коллектив, костяк которого работает до сих пор. Что самое отрадное, дети, окончившие нашу школу, а затем пединститут, возвращаются к нам уже в качестве учителей.

На Ботаническом массиве в основном жили рабочие трех близлежащих заводов, их дети ходили в нашу школу. А так как родители работали посменно, нам приходилось заниматься не только учебным процессом, но и внеклассной работой. У нас очень хорошо была поставлена художественная самодеятельность, по спортивным успехам школа была одной из лучших в районе. Мы постоянно ходили в туристические походы, ведь Ботмассив

находится рядом с лесом. А мое сотрудничество с туристическим агентством давало возможность выезжать мне и моим классам в разные города Союза.

Знаменательным событием в жизни школы было открытие музея в 1986 году, чему предшествовала большая подготовительная работа, в которой мой класс принимал самое живое участие. Наш музей о тех, кто в подростковом возрасте во время Великой Отечественной войны добровольно пошел служить на флот. Шефом музея является сибирская организация «Юнги огненных рейсов». Ежегодно ко Дню Победы мы проводим слеты, где подводим итоги военно-патриотической работы.

В 1994 году я стала директором музея, а в 1995-м мы организовали Всероссийский слет. Приехали юнги из Владивостока, Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Мурманска. Они вспоминали, как ходили в морских конвоях к берегам Америки и Англии, в каких боевых операциях участвовали в Атлантике, на Северном Ледовитом и Тихом океанах.

В 1987 году случилось непоправимое несчастье – скончался от сердечного приступа муж. Я очень тяжело перенесла эту потерю. Мои дети и коллеги по работе поддерживали меня, за что я им очень благодарна.

За 26 лет работы в своей школе я проводила в жизнь восемь выпусков учеников, и теперь их дети учатся в моих классах. Сейчас, восстанавливая в памяти свою жизнь, благодарна судьбе за то, что в свое время оставила театральное училище и пошла в педагогику. Ведь здесь я могла каждому ребенку отдавать частичку своей души, надеясь, что в будущем это принесет плоды.

Михалёв Михаил Павлович: «Учителем я стал нечаянно...» (с. Большой Изырак, пос. Маслянино Маслянинского района).

1957 год. Весна. Нас, группу учащихся 10-х классов средней школы № 1 пос. Маслянино, пригласили на районную учительскую конференцию для показательных выступлений по гимнастике и акробатике. На сцену были поставлены гимнастические снаряды: маты, брусья, конь гимнастический,

«козел» и прочий инвентарь, и мы, группа из 6 человек, в течение почти часа демонстрировали спортивные номера. Было это в Доме культуры (бывшее здание церкви).

После концерта подходит ко мне директор Больше-Изыракской семилетней школы Бритов Евгений Дмитриевич (кстати, я учился у него с 4 по 7 класс) и спрашивает о моих дальнейших планах после экзаменов. Как раз тогда действовал закон о том, что после окончания школы мы должны где-то поработать два года и только тогда поступать в вузы. Евгений Дмитриевич тут же в клубе делает мне предложение работать в его школе учителем физкультуры, рисования, пения и труда. Положительного ответа я не дал, так как было страшно стать учителем в 18 лет. Однако я мотивировал отказ тем, что не могу стать коллегой своих недавних учителей.

Сданы экзамены. Я приехал в свой родной Изырак. Разговора на эту тему больше не было. Но однажды утром к воротам нашего дома подъезжает на мотоцикле ИЖ-49 Е. Д. Бритов, чуть ли не в порядке приказа сажает меня на заднее сиденье и без особых объяснений мчит в Маслянино, где меня представили и рекомендовали. Получил приказ о назначении (август, 1957 год), и так вот неожиданно я стал учителем.

В школе приняли меня хорошо, особенно пришелся я по душе мальчишкам и девчонкам. Работал с большим удовольствием без выходных и до позднего вечера. Спортзал – это была моя боль и любовь. Дома я был мало, поэтому, понимая меня, вечерами и в выходные дни жена Валентина Александровна также была в спортзале или на спортивной площадке. Ученики были готовы проводить все время в спортзале или на лыжах в лесу. Учителя тех лет часто вспоминают, как ученики готовы были выполнять любую «черную» работу, только чтобы попасть в спортзал, так как за нарушение дисциплины или неуспеваемость они лишались права работы в спортивных секциях. Каждое зимнее воскресенье человек 30–35 учеников со мной отправлялись на лыжах в таежную часть Салаирского кряжа на целый

день. Летом ежегодно совершали велопоходы по Новосибирской области протяженностью от 500 до 1500 км.

Кроме физкультуры, дети очень любили уроки пения. Пели все мальчики, притом особенно с удовольствием – по одному или двое. Хорошо была поставлена в школе художественная самодеятельность, я занимался с хором и танцами вместе с Р. Н. Ишимовой. Ежегодно мы были лучшими в районе по этой части и выезжали на зональные смотры в Черепаново.

В эти же годы Евгений Дмитриевич «заразил» меня музейным делом, и вскоре в Больше-Изыракской школе был открыт первый в районе музей с большим количеством ценных экспонатов. К сожалению, после нашего ухода (я в школу № 1, а Е. Д. Бритов – в Чупинскую) продолжателей этой работы не нашлось, и музей свое существование закончил.

В 1967 году я был назначен завучем Больше-Изыракской школы, а через год переведен заместителем директора по воспитательной работе в Маслянинскую среднюю школу № 1. Здесь я руководил хором младших и средних классов и вместе с А. П. Колотием – большим (200 человек) хором старшеклассников. Это была очень интересная и творческая работа, но музей все-таки «сидел» во мне глубоко и, подыскав себе помощников в лице математика школы В. В. Решетова и Я. К. Янсона (рисование), я взялся за осуществление своей идеи.

В 1971 году я стал директором 1-й школы, а годом раньше было грандиозное открытие школьного краеведческого музея. В этом же году началось строительство нового здания школы № 1. Надо было успевать руководить учебным процессом и контролировать стройку, вносить изменения по планировке здания. Больше двух лет я не был в отпуске и каждый день утром в 8 часов и вечером в 18 присутствовал на планерках строителей. Мне повезло, что руководителем ПМК-780 (главный подрядчик) был ответственный человек Перфильев Алексей Иванович, благодаря которому школа была построена качественно и за короткое время (октябрь 1973 г.).

Работать в новом здании было еще интереснее, тем более, что в школьный коллектив влилась целая группа молодых интересных педагогов, которые активно поддерживали каждую инициативу. Мы продолжали развивать ученическую самодеятельность, я еще вел хор учителей, также на должном уровне проходила игра «Зарница», которая была детищем бывшего директора Пичужкина Рафаила Перфильевича. И вообще-то мне повезло с наставниками-директорами. Это самоотверженные люди в своей профессии – Е. Д. Бритов и Ф. П. Пичужкин, если и есть мои какие-то заслуги в школьном деле, так это от них.

А вот с работниками партийно-советских органов мне не везло. Райкомовские особенно были ограничены в выражении своего мнения и в большинстве случаев принимали позицию «первого», даже если видели, что она несправедлива. Видимо, мой взрывной от природы характер и воспитанное в детстве понятие, что человек, облеченный властью и доверием партии, может быть только порядочным (и никак не меньше!), заставляло часто высказывать свое мнение и, что было недопустимо, возражать этой категории людей. Конечно же, это приводило к неприятным последствиям. Несмотря на то, что меня неоднократно награждали райкомовскими грамотами, мой портрет висел в зале политпросвещения, я был делегатом всех партконференций, все годы – депутатом местных советов, награжден знаком «Отличник просвещения», имел две грамоты Министерства просвещения, единственный из района был избран делегатом Всесоюзного съезда учителей в Москве, были неоднократно и неприятные моменты. И только позиция коллективов школ, депутатов Совета и таких принципиальных и смелых людей, как председатели райисполкома П. Л. Аршавский и затем П. П. Тютюнник, председатель исполкома поссовета А. И. Перфильев, 2-й секретарь РК КПСС В. В. Бабаков, спасала меня от «наезда» кое-кого из жаждущих «крови».

В 1983 году я стал работать директором школы № 5. Главной была задача – строительство нового типового здания. Дело было сложное, казалось,

неподъемное. Россия уже стояла на пороге безденежья и упадка. Но благодаря директору совхоза «Маслянинский» Ю. Я. Шмалю строительство началось, хотя и хозспособом, правда, затянувшись на долгие 7 лет. Ускорило оно благодаря позиции областного депутата И. Г. Мороза и председателя райисполкома П. П. Тютюнника.

В октябре 1998 года мы разрезали красную ленточку и вошли в новое здание. И снова масса работы и заботы. Оформление, снабжение пособиями, инвентарем, поездки на мебельные фабрики Новосибирска, и самое главное – перевод школы из статуса 9-летней в среднюю (а это было не просто), вывод в ряд лучших школ района – все это надо было делать.

И та же мысль – создать в школе музей. Через год, в 1999 г., накануне праздника Дня Победы музей начал свою работу. В 2005 году музей получил лицензию Министерства культуры.

В 2000 году из-за серьезной болезни мне пришлось уйти с должности директора школы. До 1 июля 2006 года вел предмет «История Сибири» и оставался руководителем музея.

Библиографический список

1. **Зверев, В. А.** Что знается, то и скажется: коллекция историко-биографических материалов на кафедре отечественной истории [Текст] / В. А. Зверев // Родные голоса. Сибирь, XX век: мемуары из коллекции кафедры отечественной истории НГПУ. – Новосибирск: НГПУ, 2008. – Вып. 1. – С. 3–11.
2. **Матханова, Н. П.** Учебные заведения и учителя в сибирской мемуаристике XIX в. [Текст] / Н. П. Матханова // Пишем времена и случаи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Новосибирск: НГПУ, 2008. – С. 160–164.
3. **Чувашева, И. К.** Слава Богу за всё: воспоминания деревенской учительницы [Текст] / И. К. Чувашева. – Новосибирск: ИД «Сиб. горница», 2008. – 96 с.

4. **Школа** в социокультурном пространстве села Новосибирской обл.: история и современность [Текст] / редкол.: З. П. Горьковская, К. Е. Зверева, Л. В. Котович [и др.]. – Новосибирск: НГПУ, 2007. – Разд. 2. – С. 43–79.

5. **Школа** и учительство Сибири, 20-е – начало 30-х гг. [Текст] / отв. ред. В. Л. Соскин. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. – С. 17–119.

6. **Шубкин, Н. Ф.** Повседневная жизнь старой русской гимназии: (из дневника словесника за 1911–1915 гг.) / Н. Ф. Шубкин. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. – 666 с.